

Я смотрел, как фигура Цзи Минчэня растворяется в темноте, и чувствовал, словно из моей груди вырвали кусок сердца. Долго еще я простоял на месте, ошеломленный и потерянный, прежде чем брести к Залу Усердного Правления.

Однако двери зала были наглухо закрыты, внутри высилась непроглядная тьма. Слуга, что должен был доложить обо мне, давным-давно исчез.

Вспомнив о тяжелых цепях на ногах Цзи Минчэня, я направился к покоям отца-императора. Там еще горел свет, но дежурный евнух преградил мне путь.

— Его Величество уже изволил отдохнуть, — с ничем не нарушимым почтением произнес он. — Прошу Его Высочество возвращаться к себе.

Я попросил передать обо мне, но слуга со спокойным достоинством отказал. Тогда я пошел к дворцу матушки-императрицы, но и там меня не пустили за порог.

Они отвергли мою просьбу еще до того, как я успел произнести ее вслух.

Ночной воздух натянулся ледяной струной. Сколько я так простоял — не ведаю, пока рядом не смолкли шаги, а в замерзшие пальцы не ткнулась уютная, теплая грелка.

— Брат, не студишься.

Чу Янь, как делал это всегда, прижался к моей руке и прислонился головой к плечу.

— Поедем домой, — тихо молвил он.

Я вдруг произнес:

«Вот бы мне стать императором...»

Будь я правителем, я бы тут же приказал сбросить эти проклятые оковы с его ног, повелел бы перевезти его из Палаты государственного этикета и ни на шаг не отходил бы от него.

Чу Янь отшатнулся в испуге:

— Брат! С ума сошел, нельзя такими словами бросаться! Не дай небеса, кто услышит!

Я смолчал. Чу Янь сжал мои плечи, заставляя смотреть прямо ему в глаза, и с недетской строгостью добавил:

— Брат, мне ты можешь говорить что угодно. Но перед другими — ни слова! Особенно... перед Наследным принцем. Запомни это раз и навсегда!

Мне оставалось лишь покорно кивнуть.

Чу Янь облегченно вздохнул и едва слышно шепнул:

— Впрочем... если ты правда этого захочешь, я встану рядом и отдам все силы, чтобы помочь тебе.

Я качнул головой.

«Да куда дураку в императоры...»

Когда мы покидали дворец, ночное небо распахнулось над головой, кружась россыпью ярких звезд. Я сразу узнал Звезду Красного Феникса: она сияла столь ослепительно, что затмевала весь небесный свод. И тоска волной накрыла меня с головой.

В свою усадьбу я не поехал — направился к Второму брату.

Чу Са еще не ложился. Моему появлению он ничуть не удивился, будто нарочно поджидал. Налив мне чаю, он молча смотрел, как я опускаюсь на сиденье напротив.

Сделав глоток, Чу Са неторопливо заговорил:

— В Северном Инь долгие годы почитали словесность и презирали воинское дело, оттого при дворе верх взяли сторонники мира. Старый правитель предается тешащим плоть утехам и совершенно забросил государственные дела. В их войсках не осталось достойных полководцев, армия с каждым годом припадала на обе ноги, и наша Великая Чу без труда отвоевала у них город за городом.

Он говорил медленно, а я ловил каждое слово, изо всех сил пытаюсь вникнуть в суть.

— Но около года назад у Северного Инь появился Великий генерал Божественной воинственности. Едва приняв командование на рубежах, он навел в полках жесткую дисциплину, проявил непреклонную строгость и за короткий срок превратил сброд в непобедимое войско. — На губах Чу Са мелькнула горестная усмешка. — Сколько раз мы сходились на границе — я ни разу не сумел взять над ним верх.

Он сделал паузу и продолжил:

— Восемнадцать округов Северной пустыни — богатейший торговый край на землях Инь. Там сходились купцы с запада, с юго-востока и с заморских стран, кипела свободная торговля. Когда тридцать тысяч наших отборных воинов подошли к стенам, у него было лишь пять тысяч мечей. И с этой горсткой людей он продержался целый месяц.

Чу Са чеканил слова:

— Восемнадцать округов Северной пустыни невозможно было взять штурмом.

Мое дыхание перехватило.

— Когда две армии замирают в мертвой хватке, время играет против нападающих. Ты и сам наверняка слышал: с первым ударом барабана дух растет, со вторым — слабеет, с третьим — иссякает. К тому моменту наши полки выдохлись, припасы были на исходе. Затянься осада еще на пару дней, дождись Великий генерал обозов с провиантом из тыла — и, перейдя в контрнаступление, он смял бы нас без труда. И он поступал абсолютно верно: избегал прямого столкновения, выматывая наши силы.

Я не удержался и выдохнул:

— И... что же было дальше?

— Дальше? — В смехе Чу Са прозвучала горькая ирония. — Я уже готовил приказ к отступлению, как вдруг старый владыка Инь прислал грамоту о капитуляции и сам повелел распахнуть городские ворота. В том послании говорилось, что Северное Инь добровольно отдает Восемнадцать округов и отправляет Наследного принца в качестве заложника — лишь бы Великая Чу гарантировала десять лет мира на границах.

— Но... — растерянno пробормотал я. — Ты же сам сказал, что они почти победили?

Чу Са вздохнул:

— Государь не верит полководцу, а полководец не ведает помыслов государя.

Сердце отозвалось тупой болью. Я прошептал:

«Но ведь он... его родной сын...»

— Наследный принц слишком рано проявил свой блистательный танец меча, и венценосный

отец испугался, — пояснил Чу Са. — Прежде этот мальчишка был его единственным сыном, и государю приходилось опираться на него, возлагать надежды... и втайне ненавидеть за силу. А в конце прошлого года у старого государя родился еще один сын.

Чу Са понизил голос:

— Прямо на глазах у послов Великой Чу старый правитель собственными руками лишил Наследного принца боевого искусства и перебил жилы на обеих его руках. А затем сказал: «Пусть господа послы будут спокойны: отныне этот человек до конца дней не сможет поднять клинок».

У меня перед глазами встала его прохладная, немощно обмякшая ладонь. Грудь сдавило так, что стало тяжело дышать.

— Но он же его сын... — твердил я одно и то же.

Чу Са мягко посмотрел на меня, и взгляд его потеплел:

— Сяо Сань-эр, отцы бывают разными. Одни становятся для детей надежной опорой, а другие... вовсе не достойны зваться родителями.

Я отчаянно затряс головой. Даже я, дурак, слышал присказку о том, что даже свирепый тигр не пожирает своих детенышей! Неужели правители этого не знают? Разве императоры не должны быть мудрыми и величественными, как наш отец? Почему? За что с ним так поступили?

На столешницу с тихим треском упала тяжелая восковая слеза и застыла мутной каплей.

В полном оцепенении я поднялся. Мне нужно было видеть его. Сию же секунду!

— Сяо Сань-эр, — окликнул меня Чу Са. Он подошел ближе и произнес с глубоким нажимом: — Это государственные дела.

Он хотел предостеречь меня от опрометчивого шага, но у меня не осталось сил вникать в его слова. Я лишь остекленело смотрел ему в лицо.

Чу Са вздохнул, погладил меня по голове и проговорил с теплой нежностью:

— Ну да ладно. Делай так, как велит сердце. Второй брат прикроет.

Подворье Палаты государственного этикета, где останавливались иноземные послы, занимало огромную территорию с множеством покоев. Я полагал, что человеку его сана отведут пусть не пышные, но хотя бы просторные и светлые палаты. Однако нашел его в крошечной, убогой коморке.

Тесная комната, где умещались лишь узкая койка да деревянный стол. На кровати аккуратной стопкой лежало холодное, нетронутое одеяло. Шел уже четвертый стражный час, а он и не думал лечь.

Он стоял у окна, заложив руки за спину. Темные волосы рассыпались по плечам, алый халат спадал подобно живописному полотну, и прозрачный лунный свет облекал его фигуру, превращая в сошедшего с небес небожителя.

Казалось, моргнешь — и он растает в ночной прохладе.

Я затаил дыхание и со всхлипом выдохнул:

— Цзи Минчэнь...

Он отозвался и сделал шаг к столу — тяжелые цепи на его ногах отозвались жалобным лязгом. Должно быть, от долгого неподвижного стояния он пошатнулся. Я кинулся к нему, подхватил под руки, усадил на стул и, помня слова Второго брата, спросил с дрожью в голосе:

— Тебе... очень больно?

— Нет, — ответил он.

Я присел рядом и осторожно сжал его ладонь. Он не стал вырываться. Я смотрел на его профиль и не мог наглядеться. Мы сидели так близко, в полной тишине, но эта молчаливая близость казалась такой естественной, будто предназначена нам свыше. Я знал его от силы три часа, но он уже заполнил собой всю мою жизнь. Это была сама судьба.

— Завтра я принесу тебе теплую одежду, пуховое одеяло, жаровню и горячие угли, — произнес я.

— Благодарю Ваше Высочество за доброту, но в этом нет нужды.

— Нет, есть! — настоял я.

Он едва заметно улыбнулся:

— Что ж... пусть будет так.

Когда он попытался подняться, тело его снова качнулось. Я удержал его:

— Что ты хочешь сделать? Я сам!

— Налью Вашему Высочеству чаю, — ровно произнес он, глядя мне прямо в глаза. — Позволь мне.

В его взгляде проскользнула такая непреклонная решимость, что мои пальцы сами разжались.

Вода в чайнике успела остыть. Он поднял его, поставил на жаровню и поправил угли; алые искры вспыхнули с легким треском, наполнив суровый холод комнаты каплей тепла.

Пока закипала вода, я завороченно смотрел на его лицо, освещаемое сполохами огня, и тихо спросил:

— Небожитель... А что ты слышал обо мне раньше?

Он ненадолго задумался:

— Слышал, будто Третий принц... чист душой и мил, точно дитя.

Щеки мои обдало пламенем.

Вода закипела. Он поднял чайник, налил кипятка в единственный чистый кружок и протянул мне.

То был самый дешевенький, убогий чай из всех, что мне приходилось пробовать, но сладкий напиток пролился на сердце бальзамом, смывая тупую боль от рассказа Второго брата.

Я грел ладони о пиалу, пил мелкими глотками и, не отрываясь, смотрел на него.

— Поверь мне, я спасу тебя, вызволю отсюда! — вырвалось у меня. — А потом... ты станешь моим княжеским супругом. И кроме тебя у меня никого не будет! У меня огромная усадьба, ты сможешь делать там всё, что душе угодно!

Он улыбнулся — легко, безразлично, словно его это совсем не касалось. Улыбкой, смысл которой был мне недоступен.

— Хорошо, — отозвался он.

— Ты не голоден? Хочешь чего-нибудь съесть?

Я был уверен, что он откажется — ведь до этого он отвергал и мою накидку, и предложение снять цепи. Но я твердо решил: даже если скажет, что сыт, я все равно привезу ему еды и захвачу из усадьбы пышные одеяла. В таком холоде и уснуть-то невозможно.

Однако он вдруг произнес:

— До меня доходили слухи, что в Великой Чу готовят особые яства... Говорят, «кураца в листьях лотоса» чрезвычайно хороша.

Я, уже приготовившийся уговаривать его подкрепиться, обомлел, а затем зачастил от радости, путаясь в словах:

— Да! Да, конечно! Повара в моей усадьбе готовят ее просто изумительно! Я... я сейчас же велю приготовить!

Я вскочил и устремился к двери.

— Ваше Высочество, — окликнул он меня.

Я обернулся.

И он улыбнулся мне — на этот раз искренне, без той далекой, призрачной дымки, что окутывала его прежде.

— Чу И, спасибо тебе.

Я застыл, точно пораженный громом.

Он назвал меня по имени! Я своими ушами слышал, как он произнес мое имя — своим чистым, похожим на перезвон драгоценных нефритов голосом!

Лицо мгновенно опалило жаром, кровь в жилах закипела. Забормотав что-то невнятное, я зажал горящие щеки ладонями и выскочил прочь.

Ночной ветер ласкал мое лицо. Я бежал, бежал без оглядки, захлебываясь от счастья, словно весенняя ласточка. Душа моя взмывала к самым небесам, кружась в танце вместе с облаками и туманом.

Лишь громкие крики заставили меня очнуться: оказалось, кучер на повозке мчался за мной три улицы подряд, а Дунцзы надрывал горло, пытаясь меня остановить.

Я впрыгнул в экипаж и стал беспрестанно подгонять слуг. Мой небожитель захотел курицу в лотосовых листьях — как я мог заставить его ждать?!

Но вдруг радость застыла ледяной коркой. Мой незамысловатый ум с опозданием уловил нечто жуткое, неправильное.

Я вспомнил его силуэт у окна, когда только вошел: одинокий, скорбный, словно он готов был в любое мгновение вознестись в горнюю обитель. Почему он отказался от теплых вещей? Почему так упорно желал сам налить мне чаю? Почему произнес то «спасибо»?

Я звал его стать моим единственным спутником жизни, а он лишь улыбался — так отстраненно, так непонятно...

Но теперь я понял. В одно мгновение я всё осознал!

— Назад! Быстрее назад! — закричал я во весь голос.

Но было слишком поздно.

Карета мчалась по пустым, безлюдным улицам и замерла у ворот Палаты государственного этикета. Выложившись без остатка, я бросился вперед и со всей силы вышиб дверь.

Мой небожитель тихо лежал на полу. Возле его бледной, неподвижной руки темнели осколки разбитой чаши. Длинные ресницы сомкнулись, лицо оставалось безмятежным, а из уголка губ сбегала тонкая струйка запекшейся черной крови.

И эту тесную, убогую коморку огласил мой хриплый, исполненный нечеловеческой боли, сорванный вопль.